

Владимир Михайлов

КАПИТАН УЛЬДЕМИР

НАСЛЕДНИКИ АССАРТА
МОЖЕТ БЫТЬ,
НАЙДЕТСЯ ТАМ ДЕСЯТЬ?

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
М 69

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Михайлов В.

М 69 Капитан Ульдемир. Наследники Ассарта. Может быть, найдется там десять? : романы / Владимир Михайлов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 832 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30506-9

Классик отечественной фантастики Владимир Михайлов в литературе начинал как поэт. А от поэзии до фантастики — один шаг, примеров тому достаточно. Первый его фантастический опыт, повесть «Особая необходимость», пришелся на удачное время. Полет Гагарина, «Ну, поехали!», приближение космоса к человеку, восторженные толпы на улицах... Фантастика в одночасье из вчерашней литературной Золушки превратилась в сказочную Жар-птицу, а фантасты из тесных рамок «литературы второго сорта» вышли на широкую магистраль. Целая плеяда замечательных мастеров от Ефремова и братьев Стругацких до Гансовского, Савченко, Гуревича, Ларионовой, Булычева (продолжать можно долго) обогатила фантастический жанр. И одной из самых заметных в этом созвездии была звезда по имени Владимир Михайлов.

Цикл о капитане Ульдемире принадлежит к лучшим произведениям писателя.

«Наследники Ассарта». Возвращение на планету Ассарт для Ульдемира и его экипажа, в общем-то, работа привычная. Но на этот раз все должно быть не так, как прежде. Ни единого выстрела. Действовать только мирным путем. Иначе это будет последней каплей, которая переполнит чашу терпения высших вселенских сил, решающих судьбу Мироздания.

«Может быть, найдется там десять?» Великолепная шестерка с капитаном Ульдемиром во главе снова в деле. Цель их непростой миссии — далекая планета Альмезот. Закон Мироздания гласит: чем дурнее и неразумнее человечество, тем сильнее вселенская энтропия, и это теоретическое суждение не есть что-то далекое от действительности. Планета, население которой опустило планку духа до минимума, реально обречена на гибель. Мир этой планеты перестает отдавать Тепло, и эта часть Мироздания превращается в область Мрака и Холода. Но если на обреченной планете найдется хотя бы десяток тех, кто сохранил в себе силу духа, значит не все потеряно. Но найдется ли? — вот вопрос.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-30506-9

© В. Д. Михайлов (наследник), 1998, 2006
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

О-О-О-У-У-У-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-У-У-У...

Это было словно ночная песня тоскующего волка-одиночки. Вой, пробуждающий страх и смятение в душе, чувство неприкаянности и желание бросить все, кинувшись на поиски другого существа, в чьем сердце царит сейчас такая же тоска, — существа, готового принять тебя таким, каков ты есть, разделить твои радости и печали и позволить тебе принять на свои плечи груз его бед и неурядиц. Дикие звуки подчиняли себе, подавляли мысль и пробуждали инстинкты — добрые и злые разом. Исходя как бы со всех сторон одновременно, вой этот поднимался над приземистым кустарником, дымным вихрем завивался над невысоким пламенем костра, наплывал — волна за волной. Звезды, густо усыпавшие небосвод, несчитанные звезды ассартской ночи, наперебой мерцали, можно было подумать, в такт звукам, разлетающимся все дальше — над пологими склонами холма, развалинами Летней Обители Властелинов, медленно зараставшими травой, над отдаленными хуторами и деревеньками, дорогами и давно пустыми заправочными станциями, где едкий бензиновый дух уже не тревожил обоняния, уступив место мертвому запаху пыли. Звезды озаряли воронки от бомб, сторовшие в пламени недавней войны боевые и гражданские машины, изредка — лоскутья свежих посевов и куда чаще — столь же свежие бугорки с кое-как выпцарапанными на могильных досках или камнях изображениями Великой Рыбы, Священной Горы или же Творящего Облака — все то, что надолго оставляет после себя ушедшая война!

Впрочем, точно ли она ушла?

Организованные военные действия прекратились, но выстрелы продолжали звучать тут и там. Человеку же, в которого попадает пуля, все равно — убит ли он по приказу, или просто кто-то, резвясь, нажал на спуск. Без цели, без смысла.

Было время, когда нам показалось, что это уже перестало быть нашим делом. Мы выполнили в чужом мире все то, что нам поручали. Сомонт не был захвачен нападавшими. Никто не проник в Жилище Власти, в его подземный лабиринт. Ни один человек — или не-человек — не добрался до запретного места, которое у здешних насельников именовалось Храмом Глубины. Властелин Изар сохранил — хотя бы формально — место главы Ассарта. Так что каждый из нас: и Рыцарь Уве-Йорген, и Питек, и Георгий, и Гибкая Рука, да и сам я в конце концов — испытал приятное ощущение людей, сделавших работу если не отлично, то, во всяком случае, весьма удовлетворительно.

Но не более того. Мне было совершенно ясно, что ни нам, ни кому другому не по силам в два счета установить здесь мир и благоденствие. В конце концов, то была задача для постоянных обитателей этой планеты, но уж никак не для нас. Настала пора отъезда. Мастер дал нам разрешение покинуть планету, да и весь этот угол Вселенной. И мы разлетелись кто куда — в те места, которые каждый по привычке продолжал считать своим домом.

Но мы пробыли там не так уж долго. Если перевести Мировое время на уже привычное нам ассартское — около четырех месяцев. А потом последовала совершенно неожиданная команда Мастера: немедленно вернуться на планету — даже без захода на Ферму. Видимо, на более подробные объяснения времени не оставалось. Мы выполнили приказ — и, похоже, такая перемена судьбы никого из нас не огорчила.

В результате мы осторожно, по одному, собрались здесь — в ассартской точке Старт-Финиш, в лесу, неподалеку от Летней Обители Власти; той самой усадьбы, до которой я (уже очень давно, кажется) с трудом доковылял на одной ноге и где приобщился (пожалуй, это можно было назвать так) к высшей власти на этой планете.

Все это прошло. А что прошло, как известно, — то будет мило...

Наш кораблик, изрядно поучаствовавший в космической драке, но уцелевший после того, как доставил нас на Землю, пошел в ремонт, а сейчас Уве-Йорген пригнал его, и «Алис» находится здесь, рукой подать — готовый к работе, однако выведенный из поля восприятия и потому невидимый даже для нас, не говоря уже о посторонних. Впрочем, каждый из нас в любой миг мог подать ему нужный сигнал на возникновение. Он находился здесь, хотя мог бы стоять на любом из уцелевших космодромов Ассарта, единственный сейчас исправный корабль этого мира.

Итак, мы прибыли. Но Мастер почему-то медлил с объяснениями и задачами. Похоже, каждый из нас если и не понимал, то уж наверняка чувствовал, что причина его молчания заключается в том, что и сам он не до конца владеет обстановкой.

После смерти старого Властелина Советник, помогавший править государством еще отцу покойного, деду Изара, уединился в своей отдаленной от столицы усадьбе и за минувшие месяцы успел уже, с помощью своих слуг, сделать жизнь в старом доме достаточно уютной и даже приятной. Можно было бы, правда, подумать, что ему не хватает общества многих людей, к которым он привык за долгие годы служения Власти. Так оно, пожалуй, и было; но время от времени его все же навещал кое-кто из старых соратников.

Вот и сейчас некоторые из них были у него в гостях. Впрочем, вернее было бы назвать это деловым визитом.

Присутствуя при этой встрече кто-либо посторонний, он, надо полагать, немало удивился бы прежде всего облику гостей. Их странным одеянием, какие были в моде, пожалуй, пятьсот, а то и больше Кругов времени тому назад. Двое были облачены в полные рыцарские доспехи, еще двое — в долгополые кафтаны с высоко торчащими плечами, одежду людей знатных; виднелась также длинная мантия, из тех, какие носили в давние времена ученые люди, а еще один был в купеческом полукафтани — темном, без всякой вышивки и прочих украшений. Но не одежда была в них самым странным, а то, что все гости до единого были в какой-то степени прозрачными: и если немного напрячь зрение, сторонний наблюдатель смог бы разглядеть сквозь них и противоположную стену, и все, что на ней висело или у нее стояло.

И непременно возникло бы у него сомнение: полно, да люди ли это вообще?

Советника, однако, облик гостей нимало не смущал, и он спокойно слушал то, что говорил ему один из рыцарей. Говорил, правда, не вслух, так что если бы кто-то и подслушивал, то не уловил бы ни единого звука. Советник же этим способом общения владел давно.

— Высокочтимый донк и Командор, — так обращался рыцарь к Советнику. — Возможно, вам уже известно, что в скором будущем вас намеревается посетить Властелин Изар.

Советник лишь кивнул.

— Предполагаем, что он будет просить о помощи в розысках его сына — возможного Наследника. И будет настаивать на участии в этих поисках Ордена Незримых.

— Да, — сказал Советник. — На вашем участии, донк.

— Мы пришли сюда, донк и Командор, для того, чтобы предупредить вас: не следует обещать этого. Мы не станем помогать.

— Решил ли так Совет Незримых?

Рыцарь улыбнулся печально:

— Совета более нет, Командор. Как нет и самого Ордена. Мы, стоящие перед вами, — все, что от него осталось.

— Что же произошло?

— Шары, Командор. Те, что исходят из недр Храма Глубины. Их стало намного больше. Мы боролись с ними, но соотношение сил не в нашу пользу. Они мощнее, запасы энергии их — больше. Наши воины рассеяны в схватках, превращены в беспорядочные струйки, развьянные в пространстве. Мы будем воевать до последнего. Однако исход ясен уже сейчас. Ордена Незримых больше нет, Командор. С прискорбием сообщаем вам об этом. История многих тысяч Крузов заканчивается вместе с нами. Вы остаетесь единственным, еще обладающим плотью, и вам придется взять на себя всю тяжесть спасения Ассарта.

Советник склонил голову:

— Я благодарен вам за предупреждение. Я знаю: вы будете держаться до конца. И я — тоже.

Гости склонились в глубоком поклоне. И через мгновение их не стало видно.

Мы вернулись на планету не в самый лучший для нее час.

После Десанта Пятнадцати планет Ассарт находился в глухой разрухе. Так было, когда мы улетали. Похоже, так же обстояли дела и сейчас. Но, полагали мы тогда, пусть Властелин занимается обустройством своего государства — вкупе с Ястрой, Жемчужиной Власти. Покидая свои достаточно уютные комнаты, полагавшиеся мне по рангу в ее крыле Жилища Власти, я оставил ей составленное по всей форме прошение об отставке с высокого поста Советника Жемчужины. Другой стороны наших отношений я не касался. Они кончились.

Повторю еще раз: мы полагали, что свое дело сделали. Война умерла. Сорвались планы Охранителя и того, кто был над ним, и сам он растворился во множестве незаметных людей, перестав быть одной из фигур, с какими приходится считаться и Мастеру с Фермером, и не только им. Мы отработали и заслужили отдых. Разрешение Мастера покинуть планету было получено и использовано. Другое дело — много ли это принесло нам радости. Но это уже наши собственные проблемы и разочарования, и о них сейчас думать не время.

2

Далеко (по обычным меркам) от мест, где происходят описываемые события, один обратился к другому. Мастер сказал Фермеру:

— Я думал, что моим людям незачем больше возвращаться в скопление Нагор, что там все успокоилось — я подразумеваю безопасность Особой Точки. Тем более что зреют новые осложнения — в других местах, — ты о них знаешь...

— Они были всегда — и останутся, пока существует само Время, — сказал Фермер, и в голосе его не было веселья.

— Кроме того, им наверняка нужен был хороший отдых.

— Отдохнем ли когда-нибудь и мы сами?

— Это решать не нам. Так вот, я приказал им вернуться на Ассарт и находиться в полной готовности.

— Может быть, ты объяснишь, что так испугало тебя?

— На сей раз, похоже, угроза всему Мирозданию.

— Снова Перезаконие?

— Гораздо хуже. Те законы, меняясь, оставались нашими законами, хотя и с несколько иным действием. А грозит нам установление других законов, в самой основе не позволяющих нам существовать такими, каковы мы есть. Возможно, дело коснется даже самой структуры вещества... А начнется с малого: с воцарения на планете, пусть сперва на одной, иной формы жизни — разумной жизни. Понимаешь, не нового вида, не рода — иной формы.

Фермер кивнул. Казалось, он остался спокойным.

— Об этом нас не раз предупреждали. Но обходилось.

— Да — потому что своевременно принимались нужные меры. Это и приходится делать сейчас.

— А не может это быть ложной тревогой?

— К сожалению, вряд ли. На Ассарте замечается намного больше энобов, чем должно быть в нормальных условиях.

Фермер озабоченно нахмурился:

— Думаешь, это следствие последней войны?

Мастер проговорил невесело:

— Верховной Силе не важна форма, в которой она проявляется. Но мы и есть суть эта самая форма — и не хочется уступать место неизвестно кому. В конце концов, люди — не самый худший вариант. Мы, например. — Он усмехнулся.

Но Фермер, похоже, не был настроен на веселый лад.

— Идет смена? Но это же... — Он не договорил, лишь покачал головой. Потом нашел слово. — Это ужасно.

— Это еще хуже.

— Резерв Разума?

— Да.

— Однако пока это только энобы.

— Недвусмысленное предупреждение. Их появление означает: еще одна война, еще одно нападение на планету — не на государство! — то есть не обязательно внешняя атака, хотя бы междоусобица — и планета сама примет меры самозащиты. То есть еще одна сколько-нибудь значительная схватка между людьми — и механизм заработает. Это будет началом конца не только Ассарта. И не только Нагора, пожалуй...

Фермер сказал Мастеру — медленно, как если бы мысли возникали с трудом, одновременно с произнесением слов:

— Быть может, нужно пожертвовать Ассартом? Слишком далеко зашло там дело, и мне думается, что мы упустили время, когда процесс самоуничтожения можно было повернуть вспять. Нам казалось, что они спохватятся сами, не так ли? Мы не поняли вовремя, что есть страшная сила, преобладающая над доводами здравого смысла: политика и властолюбие. А теперь? Три четверти планеты — пустыня. Сохранился, по сути дела, один большой лес — и его продолжают уничтожать даже в мирное время. Может быть, выход в том, чтобы изолировать Ассарт от остальных? Пусть там действует Резерв Разума; это послужит предупреждением, наглядным пособием для всех миров. Боюсь, что у нас не хватит сил на что-то другое. Твои несколько эмиссаров — да будь их даже вдесятеро больше — ничего не смогут сделать. В конце концов, даже нам самим нужен такой опыт. А за пределы Ассарта опасность вряд ли распространится: у каждой планеты ведь свой резерв, и он вступит — или не вступит в действие только в зависимости от положения дел именно на этой планете, а не на Ассарте. Не так уж и много мы потеряем. Приобретем, возможно, больше.

Мастер ответил Фермеру:

— Всякое начало трудно. Реализовавшись — впервые в этой Вселенной — на одной планете, Резерв Разума приобретет куда больше опыта, чем мы. Это — Разум, хотя и чуждый нам. И как всякий Разум, он будет экспансивен, станет стремиться к расширению своего пространства. Прежде всего в пределах скопления Нагор. Потом — дальше. Я уверен: они найдут способ инициировать Резервы на других планетах, пока обстановка не станет критической. Это — первая опасность. А вторая, я думаю, заключается в том, что Ассарт в Нагоре — центр цивилизации. Он порой намеренно, а чаще — без четкого умысла регулирует уровень цивилизации на других планетах, не позволяя им не только обогнать себя, но хотя бы сравняться. Как только он окажется во власти Резерва, он лишится своей роли — и место его займет кто-то из других миров Скопления. Он начнет проводить ту же политику сдерживания остальных. Ее можно реализовать, лишь ускоряя собственное развитие, стремясь все дальше оторваться от конкурентов. И в результате произойдет то же самое, что на Ассарте. Так что наша жертва — если мы пойдем

на нее — будет первой, но никак не последней. Мы не можем так рисковать.

— Что же мы вообще можем?

— Прежде всего — узнать, как на самом деле обстоит дело на Ассарте.

— Мы знаем об этом достаточно.

— Да — если говорить о положении на поверхности планеты. В мире, населенном людьми. Но мы не можем увидеть то, что происходит в зоне Резерва Разума. Она закрыта для нас. Для взгляда отсюда.

— Но не для проникновения внутрь там, на месте, ты это хочешь сказать?

— Вот именно.

— Это возможно?

— Риск для проникающего очень велик. Но надежда сохраняется.

Фермер помолчал, размышляя.

— Если бы на это пошел один из нас... — проговорил он затем, — то какие-то шансы были бы. Но мы не можем — без разрешения Верховной Силы. Ты уверен, что мы его получим?

— Уверен, что нет.

— Почему так считаешь?

— Не знаю. Скорее всего, интуиция... Да и потом — ведь Резерв Разума порожден Верховной Силой так же, как и род человеческий. А Она никому не отдает предпочтения, что бы об этом ни говорили. Потому что и Ей нужен новый опыт — свой в каждом Времени и в каждом Пространстве. Иначе Она перестала бы быть активной. Нет, она не станет ограничивать Резерв.

— Но и нас тоже, я прав?

— И нас тоже. Это наш с тобой мир, и у нас есть право самим принимать решения — и нести за них ответственность. Тем не менее туда не пойдешь ты и не пойду я. Потому что у нас здесь нет замены.

— Я только что хотел это сказать. Значит, один из эмиссаров?

— Да. И срочно. Нам нужно знать положение Резерва Разума на сегодня, чтобы понять — что еще в наших силах.

— Пошлешь ее?

Мастер медленно покачал головой:

— Нет. Для нее это было бы, пожалуй, легче — как для всякого человека Космоса. Но на месте обстановка может оказаться слишком сложной для женской структуры.

— Никодим?

— Нет. Он справится с препятствиями, но не сможет, боюсь, точно оценить то, что увидит, услышит и ощутит.

— И я так считаю. Структура Разума ведь сохраняется и в Космосе. И не его вина, что он не в состоянии... — Фермер вздохнул. — Значит — послать планетарного?

— Да. Но, конечно, дав ему все, что мы можем.

— Догадываюсь, — сказал Фермер. — Это будет Ульдемир?

— Ты не согласен?

— Я возразил бы, если бы видел другой выход. Хочешь вызвать его сюда?

— Если окажется возможным. Я не уверен в этом: там все сейчас слишком сложно. Придется наделять его умениями отсюда.

— Всего таким способом не передашь...

— Сколько сумею. Ты поможешь, я надеюсь?

— Всем, что в моих силах. Кстати... у Резерва ведь тоже есть свои Ведущие? Такие, как мы с тобой для этой Вселенной?

— К счастью, сейчас, по-моему, нет. Ты ведь помнишь Охранителя?

— Конечно. Но разве это был он? Мне показалось, что он слишком слаб для такой деятельности. Иначе с ним не так просто было бы справиться.

— Ты забыл. Мы были такими же, пока Человеческий Разум не набрал силу. Если бы Резерв вышел на простор — Охранитель ничем не уступал бы нам. И он обретет полную мощь, как только Резерв начнет реализовываться.

— Он знает об этом?

— Сейчас — нет. Ты ведь помнишь: тогда удалось лишить его Силы. Но он все вспомнит — если Резерв выпорхнет из гнезда.

— Грустная перспектива. Как ты считаешь: там, внизу, в этом, как ты говоришь, «гнезде» эмиссар сможет уничтожить его? Или хотя бы замедлить его реализацию?

— Нет, конечно. Самое большее — определить степень готовности. Только.

- Не очень-то утешительно.
- Других возможностей нам не дано.

Фермер даже не кивнул в ответ, а просто насупился. Он не хуже Мастера знал, что такое Резерв Разума. И лишь после паузы заметил:

- Нужно справиться и предотвратить. Сколько бы сил это ни потребовало. Даже если...
- Это самое я и скажу им.
- И о Резерве Разума?
- Пока — нет, — ответил Мастер не сразу. — Людям, занятым делом, не нужны лишние волнения. Уровень ответственности, если она чрезмерна, подавляет. Хватит им и своих тревог.

3

Мы прошли тогда сквозь пояс спутников — тех немногих, что еще не сошли с орбит, но представляли собой лишь кучи лома, доживавшие, скорее всего, последние сотни, а то и десятки витков. Лишь три аппарата показались нам исправными. Они висели на стационарных орбитах в плоскости экватора, охватывая своим излучением всю поверхность Ассарта. Мы опознали их: то были спутники глушения, вывешенные в пространстве Десантом Пятнадцати, чтобы лишить Ассарт связи и с кораблями этой планеты, ушедшими к другим мирам, и с самими мирами, и между отдельными источниками на поверхности атакованного мира. Они почему-то уцелели. Случайно, скорее всего.

А когда мы на одном из посадочных витков проносились над Сомонтом, столицей, то нам показалось, что город этот, хорошо знакомый, сделался центром нескольких концентрических кругов, каких нельзя было бы увидеть ни на одной из довоенных карт.

Собственно, центром являлся даже не весь Сомонт, но та группа строений, что называлась — официально и неофициально — Жилищем Власти. Война пощадила его, как известно, не случайно. И нападавшим, и оборонявшимся было важно сохранить в целости и сам Храм Глубины, расположенный глубоко внизу, и все подходы к нему.

Жилище Власти было охвачено нешироким кольцом уцелевших строений. Оно примерно совпадало с Первым городским поясом — по принятому в Сомонте делению.

Второй, Третий и прочие пояса — до самой зоны пригородов — лежали в развалинах. Снаряды, ракеты, бомбы и лазеры обеих сторон усердно потрудились на ниве разрушения.

Далее шло кольцо пригородов. Радиус его был небольшим: ни в одном месте он не достигал и двадцати километров.

А за ним начиналось уже Мертвое кольцо, ширина которого местами достигала двухсот километров. Именно сюда были выброшены основные силы Десанта Пятнадцати миров — и здесь встречены теми войсками, какие Ассарт еще смог собрать для своей защиты. Битвы начались на внешней границе этого кольца и прокатились до нынешней внутренней. Кроме других средств уничтожения, здесь поработали огнеметы — опять-таки с обеих сторон. Не осталась в стороне и химия. Она применялась не против людей, но уничтожала растительность, чтобы обеспечить сторонам свободу маневра. Трудно было сказать, сколько еще лет здесь не проклюнется ни один росток, не пролетит ни одна пчела или бабочка. Лишь немногие уцелевшие дороги пересекали это кольцо, но и по ним никто не ездил.

Последнее из воображаемых мною колец оставалось более или менее целым, как и те четыре донкалата, что граничили со столичным. Вообще-то, он именовался Великим донкалатом Мармик. Он издавна принадлежал роду Мармик, из которого происходила и нынешняя династия. Великий донкалат Тамир, из которого происходила Ястра, Жемчужина Власти, располагался далеко отсюда на северо-западе, в горах, там в предгорьях до войны усердно качали нефть. С донкалатом же Мармик соприкасались: Великий донкалат Плонт, а также Окроб, Шорк и Калюск. Они не понесли значительного ущерба; однако, как и более отдаленные края, имели большие потери в людях, ушедших на Большую войну и до сих пор не вернувшихся. Это не могло не отразиться на производстве — и отразилось. На планете стало голодно. А в Мармике и в самой столице — просто голодно. Далеко не всякий предприниматель решался пересечь Мертвое кольцо с грузом продовольствия. Да и на чем? Добывающие и перерабатывающие топливо предприятия, похоже,

надолго вышли из строя, — во всяком случае, других сведений не было; может быть, что-то и уцелело в Саморе, где тоже промышляли нефть и где множество людей под командой донка Яширы ушло с приближением войск Десанта в леса. Эти леса, покрывавшие весь Самор, не позволяли разглядеть сверху, как там обстояли дела сейчас.

Все виды транспорта, похоже, бездействовали. Во всяком случае, мы не увидели ни одного поезда, корабля, локаторы не зафиксировали ни одного аэроплана в воздухе. Разве что несколько куцых транспортных колонн на разных дорогах; все они следовали, похоже, к столице. На войска это не было похоже, и на продовольственные караваны — тоже. Видимо, властям не удалось ничего поправить за те месяцы, что успели пройти после формального окончания битвы до нынешнего дня.

Топливо — электричество — связь. Вслед за первым звеном этой цепи неизбежно должно было выпасть и второе, а за ним с неизбежностью последовать и третье.

Отсутствие связи означало отсутствие единой Власти.

Правда, когда я размышлял обо всем увиденном, нам еще не было известно, что в Великих донкалатах и просто донкалатах начали подниматься склонившиеся некогда, но не утратившие фамильной гордости головы.

Единогo военного командования на Ассарте сейчас просто-напросто не существовало — потому что не существовало и самой армии, сильной и организованной. Причина была той же: многие военачальники, пользовавшиеся в войсках авторитетом, пали на планетах или погибли на кораблях; бомбардировки и обстрелы разрушили систему связи, а уже замеченные нами сверху спутники-глушилки и вовсе парализовали работу приемных станций на поверхности. Так что если где-то и сохранились подобия гарнизонов, то связи с ними не было.

Остававшиеся на планете, а также немногие вернувшиеся солдаты, лишённые командования и знавшие лишь, что война кончилась и надо добираться до дома, нередко не могли сделать этого из-за развала транспорта. И люди, пробиравшиеся к родным местам пешком, лесами и разбитыми городками и поселками, — идти открыто многие опасались, полагая, что местные

власти могут схватить их и заставить работать на себя или же вернуть в армию, чего мало кто хотел, — люди эти чаще всего приставали к лесным и степным шайкам, не разбирая более, кто тут свой, ассарит, а кто — пришлый: солдатам всегда нетрудно понять друг друга, все армии устроены на один манер, независимо от цвета знамен и языка команд. Одним словом, в мире сейчас царило неустройство. А винят в любом неустройстве именно Власть — потому что, вернее всего, так оно и есть.

Но это все нам только еще предстояло узнать.

Однако мы-то — мы свое дело сделали? Кто мог бы поспорить с этим?

4

Оставался, правда, у меня маленький повод для недовольства самим собой. В суматохе боев за Сомонт, а когда они смолкли — спешно собираясь покинуть планету и составляя свое прошение об отставке, я просто забыл сделать одно дело: передать Бриллианту Власти — Изару или, может быть, Жемчужине Ястре — кое-что такое, что могло заинтересовать их, когда они придут к необходимости как-то делить Власть между собою — а может быть, и еще с кем-то другим. Я забыл — и это так и осталось, помнится, в одной из уютных комнаток Жилища Власти, — не в тех, разумеется, что я занимал, будучи Советником Жемчужины, но там, где — рассчитывал я — на оставленное никто не наткнется случайно. Были в Жилище Власти такие местечки, — кстати, вовсе не те, в которых хранились, если верить слухам, Сокровища Ассарта.

Кстати, как там Ястра? Родила благополучно, это было уже — сколько? Два? Нет, скорее три месяца тому назад. Тогда я находился на Земле, как и весь экипаж; считалось, что мы отдыхаем. Я не успел еще выяснить, получили ли удовольствие мои друзья от посещения родных некогда краев. Их вид вовсе не свидетельствовал об этом. Похоже, ни один не был в претензии, что нас отозвали и снова забросили дела в эти уже знакомые места.

Хотя кто в конце концов одержит победу в борьбе за верховную Власть в Ассарте — или же такая Власть вообще более не

восстановится, — для судеб Вселенной не имело ровно никакого значения.

В этом я был уверен.

5

Властелин Изар был хмур и озабочен. Дела в его великом государстве складывались не лучшим образом.

Все было плохо. Но хуже всего, пожалуй, предстоящее собрание всех, или почти всех, донков Ассарта, впервые за десятилетия, даже сотни Кругов времени решившихся выступить единым фронтом против всепланетной Власти, какую представлял он, Изар.

Намир, Великий донк Плонтский, любезный сосед, наверняка играл в этой затее главную роль.

Сейчас донки находились в пути, и не сегодня завтра следовало уже ожидать их прибытия.

Но столкнуться с ними лицом к лицу и победить можно было лишь при одном условии: имея за спиной силу не меньшую, но большую, чем у них. Да и не только у них. В донкалате, да и в самом Сомонте, бродило множество иноземных солдат — тех, кто, лишившись кораблей, не смог покинуть Ассарт и вернуться на свои планеты.

У Изара — сейчас, здесь — таких сил не было. И все это понимали.

Однако это еще не означало, что их вообще не было на планете. Они были, и надо было только найти их, предстать перед ними и повести за собой.

Такое решение Властелин и принял.

Он вызвал капитана Черных Тарменаров, своей гвардии и личной охраны.

— Мы выезжаем, капитан, — сказал он.

Офицер, казалось, не удивился.

— Каким способом, Бриллиант?

— По дорогам. Или вы считаете, что воздухом — лучше?

— Нет, Бриллиант, я так не думаю.

— Возьмем Карету Власти — и два боемобиля.

— Сколько воинов взять?

— *Столько, сколько уместится. Топлива — максимум, вооружение — самое серьезное.*

— *Слушаюсь, Бриллиант Власти!*

Капитан отдал честь, повернулся и вышел.

6

— О-О-О-У-У-У-Ы-Ы-Ы...

— Питек! — крикнул я. — Да уймись ты хоть ненадолго! Уши вянут!

— И в самом деле, — поддержал меня Уве-Йорген. Голос его, более звонкий, чем обычно (сказывалось выпитое, а может, и не только оно), донесся от костра.

— От твоей арии наши дамы, чего доброго, в монастырь запросятся, а они тут для другого времяпрепровождения.

Два женских голоса поддержали его, два других воспротивились:

— Не мешай ты, хмурый!

— Пусть веселится! Всем — веселиться! Во имя Веселой Рыбы!..

Вой все же стих. Через несколько секунд Питек появился передо мной — первобытно-голый, из всей одежды на нем оставались даже не слипы, а лишь набедренная повязка — для нее было использовано полотенце; растрепанные волосы свисали на глаза, на груди виднелись многочисленные следы поцелуев: завербованные им дамы явно пользовались дешевой помадой. Он глубоко дышал, в густой шерсти на его торсе застряла сухая хвоя, и черный блестящий жук старался выкарабкаться из волосяных зарослей на волю. В каждой руке Питек держал по стакану. Один протянул мне.

— Не грусти, капитан. Выпей. Не пристало тебе отставать от экипажа. И прости: в такую ночь песня сама просится наружу.

Это называлось у него песней, и в его репертуаре было множество подобных. Как объяснял Питек, в его времена для каждого дела и события существовала своя особая песня, и он помнил все их до последнего звука. Правда, нам, людям других эпох, все эти звукоизвержения казались совершенно одинаковыми, — вероятно, мы не обладали первобытной остротой слуха.

Может быть, если бы Питек исполнял свои номера почаще, мы бы и научились разбираться; но он пел только под очень большим градусом. Тем, кто представляет, как много он мог выпить, не пьянея, легко понять, что сольные концерты его случались крайне редко. Сегодня был как раз такой случай, и он стоял передо мною и даже чуть покачивался. Но рука его, сжимавшая стакан, не дрожала.

— Выпей, капитан, — повторил он.

Я принял угощение. Это было местное деревенское пойло — не лучше и не хуже всех других такого же рода. Я выпил. С таким же успехом я мог бы выпить просто стакан воды: меня сегодня не брало. У меня был день воспоминаний, день грусти и печальных размышлений о тщете надежд и бессмысленности жизни. Такое накатывает на многих, начиная с определенного возраста. С того, через который я давно уже перешагнул, сделав, по моим прикидкам, предпоследний шаг. С возраста, когда главное в своей жизни можно увидеть, лишь оглядываясь назад, но никак не всматриваясь в будущее. И когда примиряешься с тем, что один из основных периодов твоего существования — планетарный — приближается к концу. Может быть, даже не только примиряешься, но и начинаешь ждать исхода с легким нетерпением. Хотя бы потому, что люди, дорогие тебе, уже далеке и хочется поскорее пуститься им вдогонку. А те, кто останется здесь, и без тебя обойдутся...

Мне казалось, что, улетаю, с планетой я расстался без сожаления. Да, здесь была Ястра; но, выбирая между мною и властью, она остановилась не на мне — и поступила правильно. Власть не старится, как люди, она всегда молода — или, точнее, ее всегда можно омолодить, если только знать рецепт. Правда, кроме Жемчужины, был теперь еще и ребенок; мой, никуда не денешься. И может быть, он и служил одной из причин моего смутного настроения. Оно преследовало меня все время, пока я находился на Земле, неожиданно чужой и непонятной. Кажется, я — да и все мы перестали быть планетарными людьми, физически еще оставаясь ими.

А может быть, и нет.

Что же касается ребенка — я никогда не умел любить детей заранее, до их появления на свет. Мне надо было взять младен-

ца на руки, вдохнуть его запах, услышать голос, выражающий крайнее недовольство миром, в который его вбросили, не спросив, — чтобы по-настоящему понять, что он не только есть, но что он — кусочек меня и с этого мига я буду всегда ощущать его именно так. Поэтому сейчас, еще ни разу его не видя, я всего лишь знал, что на свет появился сын — еще один, — но никак не ощущал этого. И все же было немного грустно от мысли, что, по всей вероятности, я никогда не увижу его и судьба его останется мне неведомой. Хотя о нем наверняка позаботится могущественная мать, и удел его будет, надо полагать, блистательным.

Но будет ли? Если понадобится, Жемчужина и им пожертвует, я думаю. И уж во всяком случае никак не станет афишировать мое отцовство. Так или иначе, я вряд ли могу чем-нибудь помочь ему. А это вполне уважительная причина для того, чтобы вести себя так, как если бы его и совсем не было.

Давай забудем, капитан? Подумаем лучше о чем-нибудь веселом. О холере в Одессе, как говорил классик. Будем легкомысленны...

7

Ястра, Жемчужина Власти, в который уже раз перечитала наглое, прямо-таки дышавшее самодовольством прошение своего Советника — да и только ли Советника? Нет, разумеется, — оставленное ей, видимо, перед его исчезновением с Ассарта, но обнаруженное ею лишь недавно, когда ей понадобилось зачем-то заглянуть в покои, которые он занимал прежде.

Таковы мужчины. Исчезают именно тогда, когда их помощь становится более всего необходимой. Что из того, что он помогал в войне с Десантом? Самая главная война начнется сейчас: война между своими, война за Власть на планете.

Но, кажется, какие-то остатки совести у него все-таки были: недаром ей только что доложили о том, что и сам Ульдемир, и люди, сопровождавшие ему, вновь появились на Ассарте. Наверное, память заставила его вернуться на то самое место, где они встретились когда-то: близ Летней Обители — теперь, к сожалению, лежащей в развалинах, как и очень многое другое после войны.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
КАПИТАН УЛЬДЕМИР
НАСЛЕДНИКИ АССАРТА
МОЖЕТ БЫТЬ, НАЙДЕТСЯ ТАМ ДЕСЯТЬ?

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Наталья Бобкова, Ольга Золотова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-39677-01-R